

Говард Филлипс Лавкрафт

Память

(Memory)

В долине Нис ущербная луна сияет мертвенно и тускло, концами своего неровного серпа касаясь губительной листвы гигантских анcharов.[1] В глубине долины полно уголков, где царит вечный мрак, и те, кто там обитает, надежно скрыты от постороннего взора. Среди дворцовых руин, разбросанных по заросшим травой и кустарником склонам, стелются ползучие лозы и побеги вьющихся растений – цепко оплетая надломленные колонны и угрюмые монолиты, они взбираются на мраморные галереи, выложенные руками неведомых зодчих. В ветвях исполинских деревьев, что высятся среди запущенных дворов, резвятся обезьянки, а из глубоких подземелий, где спрятаны несметные сокровища, выползают ядовитые змеи и чешуйчатые твари, не имеющие названия.

Громадные каменные глыбы спят мертвым сном под одеялами из сырого мха – это все, что осталось от могучих стен. Когда-то эти стены воздвигались на века – и, по правде сказать, по сей день еще служат благородной цели, ибо черная жаба нашла себе приют в их тени.

А по самому дну долины несет свои вязкие, мутные воды река Век. Неизвестно, где берет она начало и в какие подводные гроты впадает, и даже сам Демон Долины не ведает, куда струятся ее воды и отчего у них такой красный цвет.

Однажды Джинн, пребывающий в лучах луны, обратился к Демону Долины с такой речью:

– Я стар и многого не помню. Скажи мне, как выглядели, что совершили и как называли себя те, кто воздвиг эти сооружения из камня?

И Демон отвечал:

– Я – Память и знаю о минувшем больше, нежели ты. Но и я слишком стар, чтобы помнить все. Те, о ком ты спрашиваешь, были столь же загадочны и непостижимы, как воды реки Век. Деяний их я не помню, ибо они продолжались лишь мгновение. Их внешность я припоминаю смутно и думаю, что они чем-то походили вон на ту обезьянку в ветвях. И только имя запомнилось мне навсегда, ибо оно было созвучно названию реки. Человек – так звали этих созданий, безвозвратно канувших в прошлое.

Получив такой ответ, Джинн вернулся к себе на луну, а Демон еще долго задумчиво смотрел на маленькую обезьянку, резвившуюся в ветвях исполинского дерева, что одиноко высилось посреди запущенного двора.

*Перевод Олег Мичковский
1993 год*